

«Красная ворона» Николая Шадрунова

Продолжение. Начало в №№ 8, 9, 10, 11, 18, 19, 21, 28, 29, 33, 41, 43, 48, 52 за 2022 год, №№ 1, 4 за 2023 год

- Вот это мой товарищ, трижды Герой Советского Союза генерал Кожедуб, – показал высокий на своего спутника. – Знаете такого?

- Знаем, знаем! – закричали ребята. Кто не знал тогда национального героя?

- А это, – Кожедуб приподнялся, – бог войны, командующий артиллерией в военные годы, маршал Воронов. Знаете такого?

- Знаем, знаем! – закричали со всех сторон, потому что тут все были дети артиллеристов, кроме Петрика. Зато оба военных, к его удовольствию, стали рассказывать о городе, в котором жил постоянно один только Петрик.

- Известно ли вам, ребята, – спросил маршал, – в каком необыкновенном городе вы сейчас отдыхаете?

- Известно, известно! В Рамбове, в Ораниенбауме...

- И чем же славен этот город?

- Дворцами и парками! Дворцами и парками!

- Нет, ребята. Он славен тем, что по его дворцам и паркам не гулял фашистский сапог. Это единственный из городов-спутников Ленинграда, который немцы пытались и не смогли взять никаким способом. До этого они взяли и Прагу, и Париж, и Варшаву, и тысячи других городов в Европе, а маленький Рамбов взять не смогли. Как пришли в сентябре сорок первого к его подступам, так и ушли в январе сорок четвертого несолоно хлебавши. И всё благодаря нашей артиллерии. Слыхали, в Москве, в Кремле, есть такая Царь-пушка?

- Слыхали, слышали!

- Так вот, настоящие царь-пушки были здесь, на Ораниенбаумском плацдарме. Стреляли эти пушки на глубину 24 километров и снарядами по 300 килограммов каждый. А ещё были пушки,

стрелявшие на 48 километров и снарядами почти по тонне весом. Располагались такие пушки на больших кораблях, на железнодорожных платформах, на укрепленных фортах, которые находятся в окрестностях Ораниенбаума. Я, кстати, попрошу, чтобы вас свозили на эти форты.

- Ура! – закричали некоторые ребята, захлопали в ладошки.

- Так вот, эти пушки, – продолжал маршал, – буквально глушили врагов, захлестывали любое наступление фашистов. Конечно, в защите Ораниенбаума участвовали не одни только артиллеристы. Тут огромную роль играли моряки и наши доблестные лётчики... Но о лётчиках, я думаю, лучше меня расскажет мой товарищ.

Встал Кожедуб, невысокий, крепкий, самоуверенный.

- Вот, ребята, говорят, что наша авиация в первые месяцы войны бездействовала – была разгромлена, нейтрализована... Это всё, мягко говоря, преувеличение. Вчера я был в окрестностях Рамбова – в местах, где базировались наши лётчики. В их числе и Женья Преображенский. Так вот, этот Женья со своей бригадой бомбил Берлин ещё летом сорок первого года... Именно бригадой. Я не оговорился. Была такая 8-я минно-торпедная бомбардировочная бригада на Балтфлоте. А Женья в составе этой бригады несколько раз совершал налёты на Берлин в самом начале войны. Немцы думали, что их бомбят англичане, а это были рамбовчане. Я вам открою тайну. В целях маскировки самолёты в разобранном виде на военных кораблях отправлялись на остров Эзель, который Балтфлот удерживал в то время. С Эзеля был самый ближний путь на Берлин. За эти налёты 13 августа 1941 года Преображенский получил звание Героя Советского Союза.

- Посмертно? – спросил кто-то.

- Почему посмертно? Он и сейчас служит. Командует авиацией военноморского флота. Тогда был полковник, сейчас генерал-полковник. Родина чтит своих героев.

- А у нас живёт дядя Гоша Костылев, – сказал Петрик. – Он тоже Герой Советского Союза.

- Знаю такого. Я несколько дней пытаюсь с Егором встретиться... Он тоже был лётчиком Балтфлота. Сбил здесь, над Балтикой, около сорока фашистских самолётов.

- Сорок шесть, – уточнил Петрик.

- Какие дети! – восхитился Воронов, а Кожедуб стал расспрашивать – кто что знает о наших лётчиках, о скорости звука, об окружности земного шара в километрах.

Тут уж отличился Эдик Перельман, которому вернули его штаны, в них он чувствовал себя уверенно. Он ответил на все вопросы; к скорости звука добавил скорость света; рассказал, что Кожедуб сбил шестьдесят два самолёта, а

Покрышкин – пятьдесят девять, а Речкалов – пятьдесят восемь.

- Вот это знаток! – опять восхитился Воронов.

- Тебя, случайно, не Эдиком зовут?

- Эдиком... – признался удивлённый мальчик.

- А фамилия не Перельман?

- Перельман, – прошептал Эдик заплетающимся языком. У него от страха отнялись ноги, и он быстро сел.

Эдик не заметил, что хитрый маршал давно наблюдает за маленьким Петриком и его рослым соседом.

И тут последовал вопрос, от которого начальник лагеря мертвенно побледнел, а brave военные несколько растерялись.

Вопрос этот задал Петрик.

- А правда, – спросил он, – что был такой немецкий лётчик, который один сбил триста пятьдесят наших самолётов?

- Откуда у тебя такие сведения? – после некоторой паузы спросил Кожедуб.

- Дядя Гоша Костылев сказал.

- А... Егору виднее. Он сам, по-моему, сбил одного такого аса.

- Этого лётчика зовут Хартманн, – продолжал Петрик. – Он сейчас живёт в Сибири, пилит лес.

- А это ты откуда знаешь? Тоже Костылев рассказывал?

- Нет. Это дяде Гоше рассказывал один охранник. Он три года охранял Хартманна в Сибири.

- Ну у меня знакомых охранников в Сибири нет, – отговорился Кожедуб, но на вопрос так и не ответил.

Он быстро «закруглил» встречу, и военные ушли.

На другой день начальник лагеря сказал матери Петрика, чтобы её сын больше на территории части не появлялся. Он, мол, и так тут всем глаза намозолил.

Тетя Аня дала Петрику две затрещины и больше в лагерь с собой не брала.

Николай ШАДРУНОВ,

Рамбовиана. Повести и рассказы.

2019 год.

Продолжение следует.

